

Олег Романько (Симферополь)

Крымско-татарская эмиграция в годы Второй мировой войны и ее сотрудничество с военно-политическим руководством Третьего рейха

Как известно, нападение гитлеровской Германии на Советский Союз вызвало значительное оживление в кругах антикоммунистической эмиграции. Многие ее представители наивно полагали, что нацисты, разгромив большевиков, поделятся с ними своей властью на оккупированных территориях. Однако действительность оказалась намного сложнее и трагичнее, чем они думали. В центре внимания данной статьи – история крымско-татарской политической эмиграции в этот непростой период. Сразу же следует оговориться, что в ней очень много сюжетов, которые в целом повторяли перипетии судьбы других национальных групп эмиграции. Тем не менее, именно сотрудничество крымско-татарских эмигрантов с военно-политическим руководством Третьего рейха как в капле воды отразило все противоречия его «восточной политики». И отсутствие единой концепции этой политики, и недоверие различных немецких инстанций к представителям антикоммунистической эмиграции, и конфликты этих инстанций за влияние на национальные организации. Наконец, деятельность крымско-татарских эмигрантов интересна с точки зрения использования исламского фактора во внешней политике нацистов.

Указанная тема является весьма актуальной для понимания целого ряда моментов военно-политической истории Второй мировой войны. Тем не менее, нельзя сказать, что она нашла свое достойное отражение в историографии. Советские авторы не занимались этой темой вообще.

Сказывался запрет двойного характера. Во-первых, здесь шла речь о таком неоднозначном явлении, как коллаборационизм. Во-вторых, этот коллаборационизм смыкался с крымско-татарской проблемой, которая в СССР была, пожалуй, одной из самых табуированных. Поэтому изучением сотрудничества представителей национальных движений с германским военно-политическим руководством занимались в основном западные историки и представители эмиграции. Так, в своей фундаментальной работе, посвященной немецкому оккупационному режиму на советской территории, вопрос крымско-татарского коллаборационизма затронул американский историк Александр Даллин. Однако сделал он это настолько общо, что, фактически, не раскрыл его суть, хотя привел много интересных фактов¹.

Работа немецкого историка Патрика фон цур Мюлена написана в таком же ключе. Рассказывая в своей книге о военно-политическом сотрудничестве кавказской и тюркской эмиграции с властями нацистской Германии, он упомянул и крымских татар².

Даллин писал исключительно о событиях на оккупированных территориях СССР, Мюлен – только о событиях за пределами оккупированных территорий. Объединяющей оба эти направления можно назвать монографию лидера крымско-татарских националистов в годы войны Эдиге Кырымала, посвященную событиям революции и гражданской войны на территории Крыма в 1917–1918 гг. Тем не менее, в его работе есть отдельная глава, речь в которой идет и о немецкой оккупации полуострова в годы Второй мировой войны. Материал Кырымала интересен тем, что автор сам принимал участие в описываемых событиях. Но поскольку стержневой темой его книги является все-таки другая эпоха, крымско-татарской эмиграции 1941–1945 гг. уделено значительно меньше внимания³.

Распад Советского Союза в 1991 году и смена идеологических ориентиров не могли, конечно, не повлиять и на ситуацию в историографии Второй мировой войны. Более того, возвращение крымско-татарского народа на историческую родину поставило на повестку дня переосмыс-

¹ *Dallin A. German rule in Russia: A Study of occupation policies.* – London, 1957.

² *Mühlen P. von zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg.* – Düsseldorf, 1971.

³ *Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918.* – Emsdetten, 1952.

ление некоторых моментов его истории. Депортация в мае 1944 г. является одним из таких моментов. Сейчас уже не вызывает сомнений, что многие причины этой трагедии кроются в событиях периода оккупации Крыма и связаны с сотрудничеством определенной группы крымско-татарского населения с немецким военно-политическим руководством. Поэтому прежде всего в российской и украинской исторической науке появились новые авторы, которые начали активно заниматься указанной проблематикой. Так, среди украинских историков следует назвать Ю. Зинченко, Н. Кирюшко и Е. Бойцову⁴. Из российских авторов наиболее значимыми являются исследования Г. Бекировой, А. Вяткина, А. Ефимова и Л. Соцкова⁵. Однако все они касаются проблемы крымско-татарского коллаборационизма только в пределах оккупированного немцами Крымского полуострова, тогда как влияние лидеров эмиграции на эти события практически не исследуется. Единственным исключением является работа российского историка И. Гилязова. Но она, в целом, посвящена коллаборационизму среди поволжских татар. История крымско-татарской эмиграции и ее взаимоотношения с руководством Третьего рейха носят на страницах книги фрагментарный характер и не могут быть использованы самостоятельно⁶.

Таким образом, целью данной работы является показать полную картину сотрудничества крымско-татарской эмиграции и военно-политического руководства нацистской Германии. Однако чтобы выяснить степень и результативность этого сотрудничества, необходимо осветить ряд моментов, которые являются ключевыми для данной проблемы. Это: основные направления политической активности крымско-татарской эмиграции, ее взаимодействие с татарским национальным движением на территории Крыма, отношения с другими антисоветскими организациями и, наконец, позиция немецкого руководства по всем указанным вопросам.

⁴ Зінченко Ю. І. Кримські татари: Історичний нарис. – К., 1998; Кирюшко М. І., Бойцова О. Є. Іслам в Криму: релігійно-національна самоідентифікація кримськотатарського народу. – К., 2005.

⁵ Бекірова Г. Т. Крим у період Великої Вітчизняної війни (1941–1945) // *Кримські студії*: Інформ. бюлет. – К., 2005. – № 1/2(29/30); Вяткин А. Р. Немецкая оккупация и крымские татары в 1941–1944 гг. // *Восток*. – М., 2005. – № 4. – С. 36–54; Ефимов А. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг. // *Профи*. – М., 1999. – № 6/7. – С. 16–20; Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм. – М., 2003.

⁶ Гилязов И. А. На другой стороне: Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. – Казань, 1998.

После окончания гражданской войны в России некоторая часть крымско-татарских политических лидеров была вынуждена отправиться в эмиграцию. В основном они осели в Польше, Румынии и Турции, где продолжали заниматься политической деятельностью. Надо сказать, что деятельность эта была очень вялой, даже по сравнению с другими национальными группами эмигрантов: ни в 1920-е, ни в 1930-е годы о какой-либо политической жизни крымских татар за пределами Крыма практически ничего не было слышно. Единственной акцией, в которой участвовали лидеры крымско-татарского национального движения, была деятельность так называемой организации «Прометей» (конец 1920-х – 1930-е годы). Это детище польской разведки объединяло в своих рядах представителей политической эмиграции нерусских народов России и занималось в основном пропагандой⁷.

К чести лидеров татарской эмиграции следует признать, что они не были замешаны в связях с нацистами ни до, ни после прихода последних к власти. Не сотрудничали они и с немецкой военной разведкой – Абвером, что тогда являлось общим «грехом» для многих эмигрантских политических деятелей. Более того, такой видный крымско-татарский националист, как Джафер Сейдамет, был настроен даже явно антинацистски. А с началом Второй мировой войны его мнение только укрепилось. Немецкий историк Патрик фон цур Мюлен писал, что «симпатии Сейдамета были явно на стороне польского эмигрантского правительства в Лондоне, с которым он поддерживал тесные связи»⁸. Нападение Германии на СССР вызвало у проживавшего в Турции Сейдамета двойственное чувство. С одной стороны, он продолжал оставаться на своей антинацистской позиции. С другой же – вся политическая активность, которой стала заниматься крымско-татарская эмиграция, проходила явно с его молчаливого одобрения⁹.

А она началась довольно рано. Так, уже в октябре 1941 г. несколько крымско-татарских эмигрантов написали меморандум во Внешнеполитический отдел НСДАП, руководителем которого являлся известный нацистский теоретик и министр оккупированных восточных

⁷ Более подробно об организации «Прометей» см.: *Соцков Л. Ф.* Указ. соч. – С. 90–96; *Симонова Т. М.* «Мы бесподданные безгосударственники...»: Россияне в межвоенной Польше // *Родина*. – 2007. – № 2. – С. 75–81.

⁸ *Mühlen P. von zur.* Op. cit. – S. 119.

⁹ Государственный архив Автономной Республики Крым, ф. П–151, оп. 1, д. 388, л. 31.

территорий Альфред Розенберг. В этом меморандуме они, со ссылками на татарско-германское сотрудничество 1918 года, изложили свое видение будущего Крымского полуострова. Естественно, что в их планах он должен был быть союзным Третьему рейху татарским государством¹⁰.

В ноябре 1941 г. настроенный пронемецки турецкий генерал Хюсюн Эмир Эркилет обратился с письмом к послу Германии в Турции Францу фон Папену, в котором просил дать въездную визу двум крымско-татарским политическим деятелям – проживавшим соответственно в Турции и Румынии Эдиге Кырымалу (бывшему члену «Прометей») и Мустеджибу Улькюсалу. В декабре 1941 г. оба крымско-татарских политика прибыли в Берлин, где попытались вступить в переговоры с германскими властями. В ходе этих встреч они выразили пожелания по поводу судьбы Крыма (такие же, как и в вышеуказанном меморандуме) и попросили допустить их в лагерь военнопленных на территории южной Украины и Крыма, где содержались крымские татары. Разговоры о независимости Крыма немцы приняли к сведению. В просьбе же посетить лагерь они отказали, сославшись на карантин. Позднее, с разрешения Розенберга, Кырымалу и Улькюсалу удалось побывать в Польше, Литве и Белоруссии, где мусульманское население также было весьма значительным. Еще одним результатом поездки в Берлин стало то, что этим эмигрантам, пусть и неофициально, удалось заложить основы для будущего представительства крымских татар в Германии.

Весь следующий год прошел в решении организационных вопросов и укреплении позиций крымско-татарского представительства. За это время в нем произошли изменения. Улькюсаль покинул своего компаньона и вернулся в Румынию. Поэтому Кырымалу срочно пришлось искать себе нового заместителя. Весной 1942 г. им стал еще один эмигрант – Абдулла Соисал. Кроме того, берлинское представительство выросло количественно: теперь в его составе было уже 12 человек. Стали более ясными и ближайшие цели, которые эта группа ставила перед собой. Так, первоочередными из них были признаны следующие:

- облегчение участи крымско-татарских военнопленных и «восточных рабочих», вывезенных в Германию;
- перемещение в Крым мусульманского населения из Литвы, Белоруссии и Румынии, с целью увеличить процент татарского населения на полуострове;

¹⁰ *Mühlen P. von zur.* Op. cit. – S. 119.

– наконец, попытка наладить связь с татарской общественностью на территории Крыма.

Зная эти цели берлинского представительства, немцы более года запрещали его членам посещать полуостров. Например, решительно «против» был будущий генерал-комиссар Таврии Альфред Фрауэнфельд. Во-первых, его беспокоили политические амбиции берлинских эмигрантов. Во-вторых, ему не нравились их переселенческие планы (среди нацистского партийного руководства Фрауэнфельд был одним из главнейших адептов будущей германизации полуострова). Тем не менее, в июле 1942 г. он был вынужден сообщить Кырымалу, что признает его «штаб, как полномочное представительство крымских татар», но не более чем в сфере экономических и гуманитарных интересов. Следует сказать, что на его согласие повлияла позиция известного востоковеда профессора Герхарда фон Менде, который в министерстве Розенберга занимался тюркскими и кавказскими народами¹¹.

В ноябре 1942 г. Кырымал и его команда получили, наконец, разрешение приехать в Крым. Целью их визита была встреча с представителями местной крымско-татарской общности. Поэтому уже 16 декабря, после согласования этого вопроса с начальником полиции безопасности и СД, берлинская делегация провела совместное заседание с членами Симферопольского мусульманского комитета – созданной год назад татарской общественной организации. Кырымал и его коллега Абдул-Халим Балич информировали актив комитета о работе своего представительства и сообщили о полученном разрешении на переселение в Крым 25 тыс. татар. Причем 600 из них, главным образом сельскохозяйственные и технические специалисты, были уже наняты и готовы к переезду. Руководство Комитета высказало свое полное одобрение деятельности берлинского штаба, признало его руководящую роль и избрало в свой состав обоих докладчиков¹².

Это заседание было огромным тактическим успехом Кырымала и его команды. Теперь они могли с полным правом сказать немцам, что представляют не только эмигрантов, но и весь крымско-татарский народ: большой «плюс», которым не могло похвастаться ни одно из на-

¹¹ Ibid. – S. 123-124.

¹² Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее – BA-MA), RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Major Gesandter von Hentig an den Oberbefehlshaber der Krim General Mattenklodt, Berlin, den 5. November 1942, bl. 1–2.

циональных представительств, уже существовавших к тому времени в Германии. Эта поездка и ее результаты привели к тому, что министерство оккупированных восточных территорий *de jure* подтвердило то, что фактически уже давно существовало. Штаб Кырымала был признан единственным представителем интересов крымско-татарского народа и стал теперь официально именоваться Крымско-татарский национальный центр. Это произошло в январе 1943 г. А уже в ноябре того же года при министерстве Розенберга был создан специальный крымско-татарский отдел (*Krimtataren Leitstelle*), который и должен был давать указания Кырымалу и его людям¹³.

Лидеры крымско-татарской эмиграции имели множество разнообразных проектов и сразу же развернули активную деятельность. Однако, по трагической случайности, первым совместным шагом руководителя отдела д-ра Рихарда Конельсена и Кырымала оказалась попытка избрать крымского муфтия, которая, фактически, поставила крест на всех дальнейших усилиях штаба. По крайней мере, до осени 1944 г.

Не секрет, что германское военно-политическое руководство в целом очень положительно относилось к исламу, стараясь сделать мусульман своими союзниками в борьбе против СССР и Англии. Более того, на некоторых оккупированных территориях Советского Союза «исламский фактор» стал одним из инструментов германской национальной политики. Например, на Северном Кавказе и в Крыму местные оккупационные власти всячески способствовали его возрождению (открытие мечетей, помощь в подготовке духовенства и т.п.). Но одновременно, и этот парадокс замечают все исследователи, оккупанты препятствовали избранию высшего мусульманского духовенства – муфтиев. Причины такой политики были очевидны, тем не менее, например, крымско-татарские националисты просто не желали их замечать, что впоследствии и привело к такому негативному результату. Последний крымский муфтий Нуман Челеби Джихан был расстрелян большевиками еще в 1918 г., а его преемник так и не был избран. После оккупации Крыма и создания мусульманских комитетов татарские националисты стали поднимать перед оккупационными властями этот вопрос, надеясь на их полное содействие. Здесь следует сказать, что они преследовали не только цели централизации духовной жизни мусульманского населения Крыма. Понимая, что немцы, скорее всего, не разрешат создать центральный по-

¹³ Ibid., Befehlshaber Krim, Abt. VII, Tgb. Nr. 240/43, St. Qu., den 1. April 1943, Betr. «Besuch der tatarischen Emigranten Kirimal und Balitsch», bl. 1.

литический орган для всех мусульманских комитетов, они надеялись обрести таковой в воссозданном Муфтияте.

Крымско-татарские националисты не были одиноки в своих усилиях и имели достаточно влиятельных союзников и не только в германских военно-политических кругах. Один из них – уже упоминавшийся Герхард фон Менде – так аргументировал положительные стороны появления прогермански ориентированного муфтия на Крымском полуострове: «Исламский мир – это единое целое. Поэтому шаг Германии навстречу мусульманам на Востоке неминуемо вызовет соответствующие настроения у всех мусульман»¹⁴. Наконец, за скорейшее избрание крымского муфтия выступал и Амин аль-Хуссейни – пронацистски настроенный Великий муфтий Иерусалима, надевшийся сосредоточить всю мусульманскую активность под своим контролем.

Как видно, все эти три группы преследовали разные цели, которые были явно недостаточными для того, чтобы сдвинуть вопрос о Муфтияте с мертвой точки (по выражению американского исследователя Александра Даллина их активность в этот период иначе как «спящей» назвать трудно). Однако в октябре 1943 г. произошли события, которые заставили их сильно активизироваться. Советская власть отошла, наконец, от воинствующей антирелигиозной политики и разрешила избрать муфтия всех советских мусульман, резиденцией которого стал Ташкент. Первыми на это событие отреагировали в министерстве Розенберга. Руководитель его крымско-татарского отдела Конельсен и фон Менде подготовили меморандум, в котором германскому военно-политическому руководству они предлагали следующие ответные меры: «Чтобы более эффективно противостоять этой большевистской инициативе, которая, как показывают события, оказала огромное влияние на мусульманский мир, мы, со своей стороны, должны делать все для активной борьбы с ней. Необходимо немедленно сделать ответный ход и показать, что выборы ташкентского муфтия являются нелегитимными, а сам он – не более чем марионетка в руках Москвы»¹⁵.

Наиболее же эффективной формой противодействия, как казалось авторам меморандума, может быть только созыв конгресса высших духовных мусульманских лиц Крыма, Кавказа, Туркестана и Поволжья. Более того, на этом конгрессе германская сторона обязывалась дать торжественное обещание способствовать выборам крымского муфтия. Все

¹⁴ Цит. по: *Dallin A. Op. cit.* – P. 267.

¹⁵ Цит. по: *Ibid.* – P. 268.

это должно было проходить в присутствии Великого муфтия аль-Хуссейни, который приглашался на конгресс в качестве почетного гостя. После конгресса планировались выборы, которые, правда, предполагалось сделать не более чем фикцией, так как кандидат на пост муфтия был уже отобран Конельсеном заранее. Новым духовным лидером крымских мусульман должен был стать видный крымско-татарский националист Амет Озенбашлы, который в это время находился в Румынии¹⁶.

После незначительной доработки этот документ был передан на рассмотрение в Главнокомандование сухопутных сил Вермахта (ОКХ), в ведении которого находилась оккупационная администрация на территории Крыма. Проект был весьма заманчивым, однако армейское руководство решило его заблокировать. Уже одно упоминание Озенбашлы в качестве кандидата на пост муфтия убедило немецких генералов в том, что будущая мусульманская инстанция – это не более чем очередной центр для политической активности и интриг крымско-татарских националистов. Справедливости ради стоит сказать, что Озенбашлы также не очень рвался занять этот пост: его отрицательное отношение к сотрудничеству с немцами было тогда уже хорошо известно, и не только в Крыму.

Кроме того, Крым в этот период представлял собой уже «осажденную крепость», а создание в ней политического центра на мусульманской основе могло только обострить и без того напряженные межнациональные отношения на полуострове. Наконец, по мнению командующего войсками Вермахта в Крыму, татары попросту «не заслуживали такой чести»¹⁷.

Естественно, что такой вердикт означал конец проекта по воссозданию крымского Муфтията, даже несмотря на то, что разговоры о нем сотрудники Розенберга вели еще до осени 1944 г. Здесь можно только добавить, что принять сан муфтия Озенбашлы уговаривал именно Кырымал. Для этого он специально летал в Бухарест, но так и не смог ничего сделать, чтобы заставить старого националиста встать на пренебрежущую позицию.

История с крымским Муфтиятом закончилась ничем, и ничего хорошего, кроме обострения отношений крымско-татарских националистов с германской военной администрацией на полуострове, не принесла. Однако сама борьба «за» Муфтият или «против» него между ведом-

¹⁶ BA–MA, RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/713, Sprachendienst des Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, Betr. «Die Frage der mohamedanischen Religion in der Krim», bl. 1–6.

¹⁷ *Kirimal E. Op. cit.* – S. 316.

ством Розенберга и Вермахтом была первой, но не единственной причиной этого обострения. Что же явилось следующим камнем преткновения? Как это ни странно, попытки Кырымала спасти крымско-татарский националистический актив. Наступал 1944 год, и все понимали, что рано или поздно Красная армия освободит полуостров. Чтобы как-то приободрить местных коллаборационистов, Кырымал сообщил им, что после ухода Вермахта из Крыма они будут эвакуированы со всем их имуществом. Это свое заявление он согласовал только с Конельсеном, совершенно «забыв» поставить в известность другую заинтересованную сторону – штаб командующего войсками Вермахта в Крыму. Реакция на эту оплошность последовала незамедлительно. Генерал-полковник Эрвин Йенеке обратился к своему непосредственному начальнику – главнокомандующему группы армий «А», и попросил его довести до сведения подчиненных Розенберга следующую информацию: по всем вопросам эвакуации из Крыма необходимо обращаться исключительно в военные инстанции. Запрашивать об этом следует, сохраняя, по возможности, строгую секретность, и не делать из этой чисто военной акции политического мероприятия. Далее Йенеке выражал следующее сожаление: «Мы считаем неприемлемым, когда крымские татары действуют через своих представителей-эмигрантов без постановки в известность об этом командования армии. В дальнейшем, чтобы исключить подобное давление со стороны эмигрантов и местных татарских активистов, предлагаем крымско-татарскому отделу или министерству оккупированных восточных территорий информировать нас о результатах всех происходящих там совещаний»¹⁸.

Помимо общей неприязни руководства Вермахта к политической активности крымских татар, эту позицию Йенеке также можно объяснить еще и тем, что в этот период он как раз вынашивал планы по созданию местного крымского правительствa. Кырымал же своим обращением заранее перечеркивал весь эффект от этого мероприятия. В конце концов, ему все-таки удалось договориться об эвакуации 60 активистов, 20 из которых сразу же пополнили состав отдела Конельсена и Крымско-татарского национального центра. Еще около 2 тыс. (в основном бойцы коллаборационистских формирований) были вывезены морем после начала боев за полуостров¹⁹.

¹⁸ BA–MA, RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/257, bl. 109–109rs.

¹⁹ *Mühlen P. von zur. Op. cit.* – S. 125, 127.

К осени 1944 года Кырымал остался единственным более или менее авторитетным крымско-татарским деятелем, признанным Германией. Но, фактически, он уже никого не представлял: Крым снова находился под советской властью, а численность крымско-татарских добровольцев в германских вооруженных силах и «восточных рабочих» на территории Рейха измерялась несколькими тысячами. Тем не менее, как этот деятель позднее вспоминал, «ключевым пунктом его позиции в этот период была полная независимость Крыма». Еще одним моментом, который команда Кырымала не раз обсуждала в прессе, была идея так называемого «тюркского единства». То есть крымские татары не только должны были получить свободу и независимость, но еще и ощутить себя частью «единого тюркского мира». Поэтому, в противоположность немецкой прессе, которая продолжала называть крымских татар крымскими татарами, Кырымал и его сотрудники стали употреблять термин «крымские тюрки». С этими идеями он неоднократно выступал на страницах новой крымско-татарской газеты «Kırım» («Крым»), первый номер которой вышел в Берлине 25 ноября 1944 г. В принципе, эти пантюркистские идеи были далеко не новы, хоть Кырымал и писал, что только сейчас он и его люди могли свободно их высказывать²⁰.

И надо сказать, что эти свои позиции они отстаивали даже в ущерб созданию единой антисоветской организации. Как известно, 14 ноября 1944 г. в Праге было объявлено о создании Комитета освобождения народов России (КОНР). По замыслу его председателя, бывшего генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Власова, этот орган должен был представлять собой широкий фронт, объединяющий в своих рядах различные слои советского общества и все национальности СССР. Фактически КОНР задумывался как некое «российское правительство в изгнании».

Чтобы придать комитету действительно общероссийский характер, в состав его президиума было предложено войти лидерам всех национальных организаций, которые к тому времени находились на территории Германии. При этом подразумевалось, что все национальные легионы и воинские формирования, находившиеся под номинальным контролем этих организаций, будут объединены в Вооруженные силы КОНР. Естественно, что главнокомандующим этих вооруженных сил должен был стать генерал Власов, как один из самых авторитетных лидеров Освободительного движения народов России.

²⁰ BA–MA, RS 3-39. Ostmuselmanische SS-Division, RS 3-39/1, Den persönlichen Bestand der Redaktion der Zeitung die «Krim», bl. 1.

Однако, несмотря на поддержку Власова и его организации со стороны многих немецких политических деятелей (в том числе одного из самых могущественных на тот момент – рейхсфюрера СС Гиммлера), процесс создания многонационального антисталинского фронта неожиданно зашел в тупик. Дело в том, что лидеры большинства национальных советов и комитетов усмотрели уже в самой идее КОНР всего лишь «очередную русскую затею». Следует сказать, что эти события приняли такой оборот не без участия Розенберга, который на правах министра оккупированных восточных территорий курировал национальные представительства. В результате его интриг большинство лидеров национальных организаций стали считать, что основной принцип Пражского манифеста КОНР, согласно которому устанавливалось «равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность», является всего лишь тактическим ходом и будет при первом же удобном случае забыт²¹.

На этом основании многие из действительно влиятельных национальных лидеров отказались от своей кооптации в комитет. Вместо этого уже 18 ноября 1944 г. по инициативе Розенберга в Берлине состоялось так называемое «заседание представителей поработченных Россией народов», куда наряду с другими «нерусскими лидерами» был приглашен и Эдиге Кырымал.

Политики, которые участвовали в этом заседании, ставили перед собой следующую цель: продемонстрировать единую волю национальных организаций «к борьбе за свободу своих народов и своей земли от русской оккупации, которая должна была привести к возрождению их национальных государств». Практическим результатом встречи стало подписание соглашения, по которому они обязались совместно работать над указанными вопросами и везде взаимно поддерживать друг друга. Для воплощения в жизнь решений заседания лидеры националистов избрали специальную комиссию²². А чтобы сообщить властям Германии о своей политической линии, они в тот же день обратились с сов-

²¹ Андреева Е. Н. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение // *Дружба народов*. – М., 1991. – № 5. – С. 203.

²² Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann, Ebringen, Deutschland, Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944, s. 1–2.

местным меморандумом к Розенбергу, в котором выразили озабоченность деятельностью Власова²³.

Наконец, 17 марта 1945 г., уже на пороге краха Германии, Розенберг сделал от имени правительства Рейха официальное заявление, в котором Крымско-татарский национальный центр признавался «единственным представителем (политическим и дипломатическим) крымско-татарского народа». Его председателем по-прежнему оставался Кырымал, а вот состав центра полностью обновлялся: теперь 12 членов этой организации должны были представлять все общественные слои своего народа. Обновленный центр начал свою официальную деятельность в апреле 1945 г. Первым его шагом было заявление о том, что главной политической целью этой организации является борьба за национальное и политическое освобождение крымских татар. Но, как признавал даже сам Кырымал, при неминуемом военном поражении Германии «перспективы этой борьбы были весьма сомнительны»²⁴. А само признание оказалось обычной фикцией.

Таков, в целом, был итог сотрудничества крымско-татарской эмиграции с руководством Третьего рейха. И итог этот, надо сказать, был весьма неутешительным даже в сравнении с другими подобными про-немецкими движениями. В условиях отсутствия единой концепции национальной политики и борьбы разных органов нацистского государства за претворение в жизнь именно своей точки зрения на нее, все претензии крымско-татарских эмигрантов на определенную политическую роль попросту не соответствовали реальной обстановке. В результате, их организация превратилась в заурядный инструмент пропаганды, и такое положение вещей не могли уже изменить никакие заявления Розенберга.

²³ BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 131.

²⁴ *Kirimal E. Op. cit.* – S. 322.